

41
8

КРАСНАЯ ПЛЮРАЛИЯ

1
Библио
имени

Художник Б. М. Кустодиев

№ 3

Цена 15 коп.

Издание „Красной Газеты“

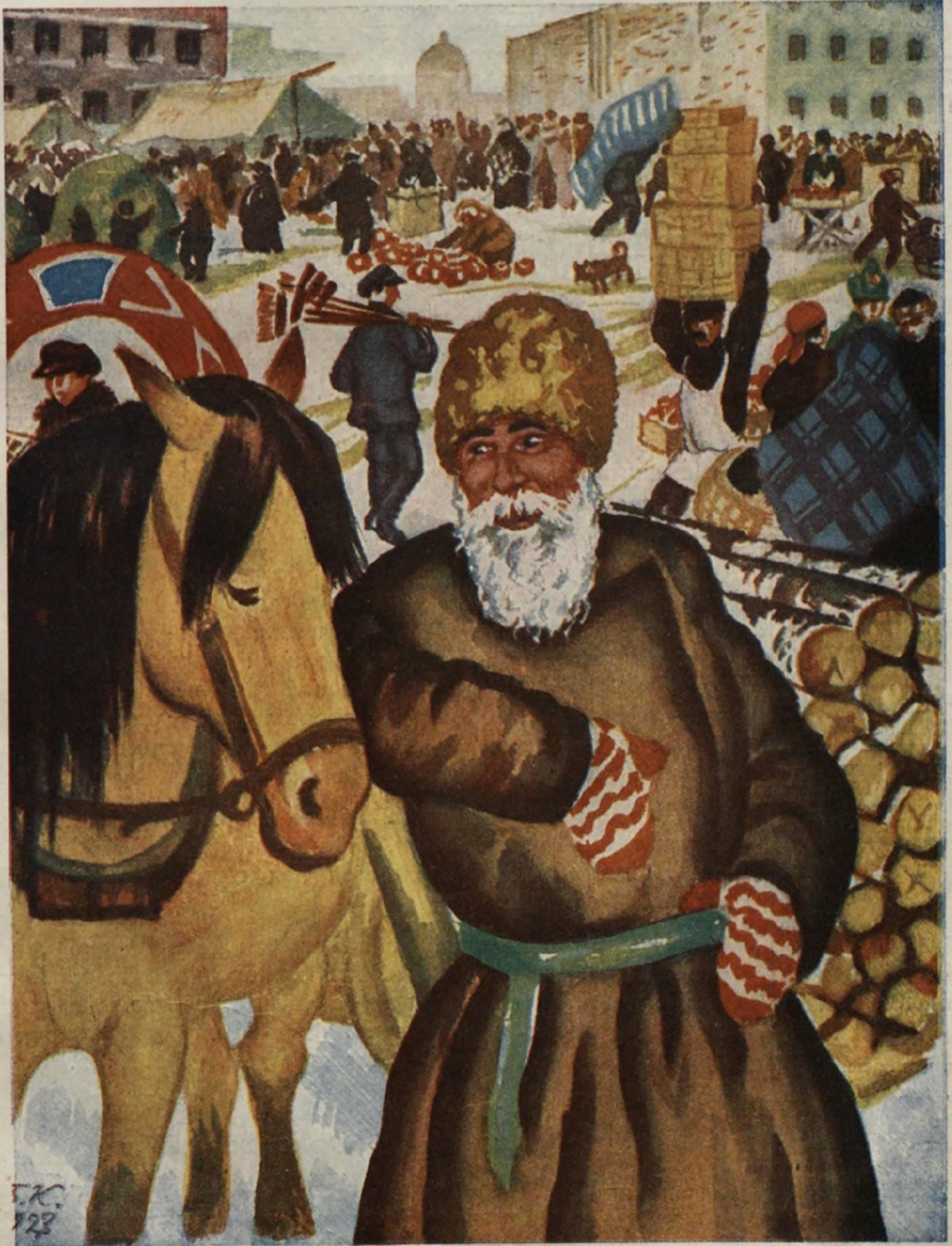
14 января 1927 г.

X. 41
8

КРАСНАЯ

ПЛОДОРАММ

1
Публичная Библиотечная
ИМОН
В. И. З.

Б. М.
123

Художник Б. М. Бустодиев

№ 12.

Художник Б. М. Кустодиев

Последняя работа художника незадолго до смерти

„На берегу реки“

Х Н
Художник
В. С. Сварог

КРАСНАЯ ПАМОРМА

№ 26

Цена 15 коп.

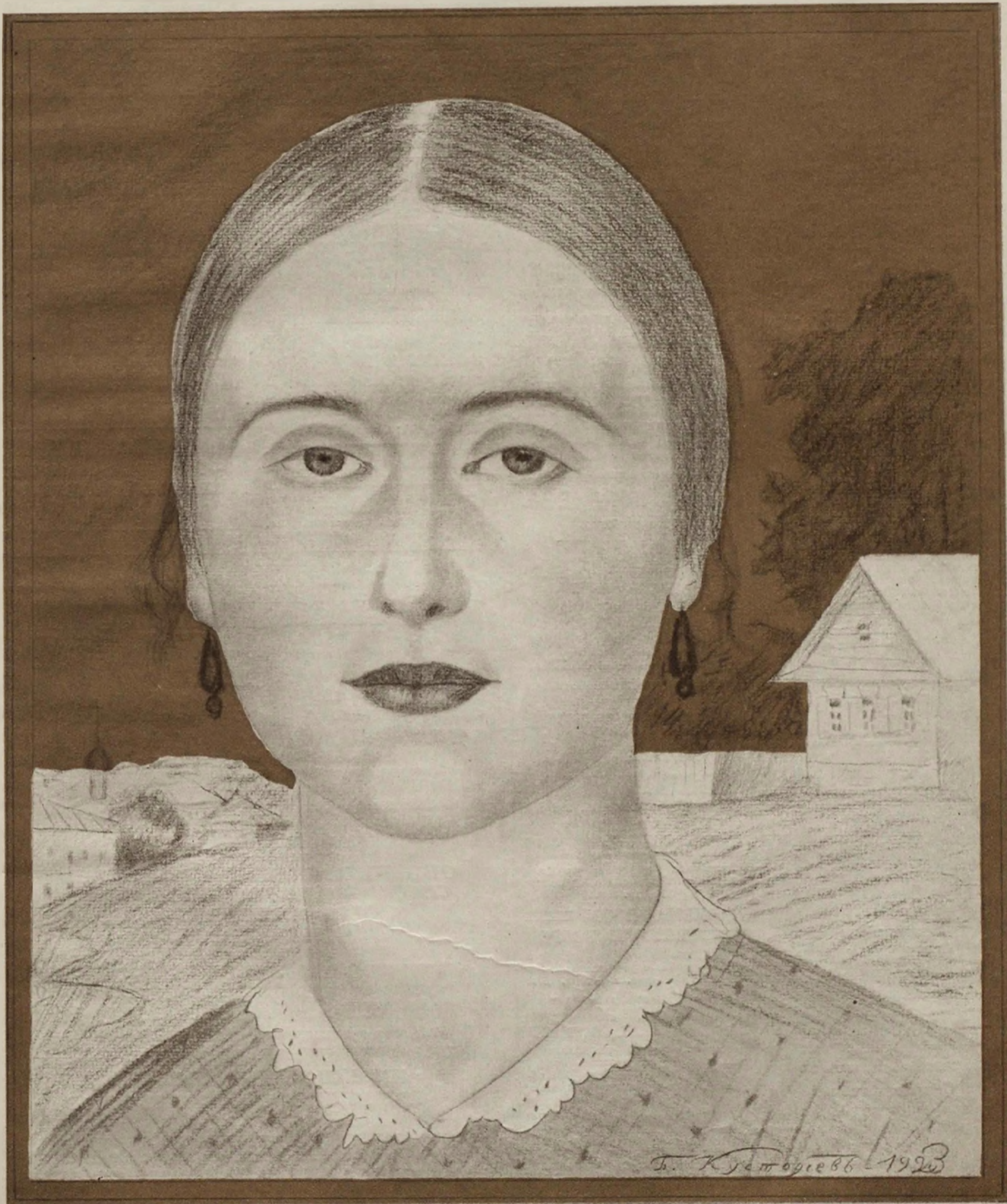
КУРОРТНЫЙ

24 июня 1927 г.

XIX 41/8

КРАСНАЯ ПАНОРАМА

2
Библиотека
имени
В. И. Ленина
С.С.С.Р.

Художник Б. М. Кустодиев (из неизданных рисунков)

Цена № 15 коп.

Издание «КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»

№ 51

17 декабря 1927 г.

ПАМЯТИ ФЕДОРА СОЛОГУБА

ПИСАТЕЛЬ БЕЗ УЛЫБКИ

Смерть Ф. К. Сологуба не была неожиданностью прежде всего для него самого. Тяжело болевший последние годы, он готовился к ней уже давно, и особенно напряженно после окончательного его сразившей утраты его единственного друга, жены А. Н. Чеботаревской.

Как-то вечером, в мае 1922 года, я застал его за разборкой рукописей.

— Последние полгода, — пояснил он мне, — я ничего не делал и если пишу, то лишь лирические стихотворения интимного содержания. А это вот разбираю старое. Хочу, чтобы у меня все было приготовлено на всякий случай. — И, действительно, готовился к смерти спокойно, деловито. Отиранированный вскоре после этого юбилей Ф. К., собравший в Александринский театр многочисленную публику, среди которой было много молодежи, не внес существенного изменения в его настроения.

Писатель без улыбки, не знавший радостных красок даже в самые светлые годы своей яркой художественности. Сологуб и в этот день и в последующие дни и годы оставался таким же печальным, я бы сказал, стоящим вне текущей жизни и только ее наблюдающим.

Прежняя, особенно т. н. декадентская критика, не раз сопоставляла Сологуба с Гоголем. Но если Гоголь, по выражению Андрея Белого, «обхохотал Россию от древнего города Мстиславля до стен Петрограда», то Сологуб ее казнил. Помню, как-то зашла речь о Гоголе, и Сологуб осуждал его именно за этот смех. Он не мог смеяться даже горьким смехом там, где нужно было не смеяться, а болеть душой. За этот смех, за эту издевку Сологуб не любил и Щербина.

Творчество Сологуба всегда казалось его современникам загадочным и непонятым. Даже самые расположенные критики останавливались не редко с изумлением почти перед каждым новым его произведением.

Чувствовалась большая искренность, а в то же время поражала сложность и рядом и необычность формы и еще более странное своеобразие содержания как стихов, так и прозы. Многих эта необычность раздражала, казалась нарочитой вычурностью. Сам художник этой вины за собой не признавал.

— Я, — говорил мне Ф. К., — никогда не старался писать как-нибудь «особенно», не похоже на других. Мне никогда не приходится задумываться над инструментовкой. Внутренний темп толкает одно слово за другим, то именно, какое в данный момент требуется. Форма у меня неразрывно сливается с содержанием и им обуславливается.

В этом отношении Сологуб был прав. Другими красками нельзя было написать ни портрет Передонова, ни портрет Триродова, ни страшную жуть обыденщины, в которой эти герои работали.

Произведения Сологуба еще не из чены и не получили надлежащей оценки, но уже и сейчас совершенно ясно, что это был писатель и художник большого калибра.

Один Передонов, герой романа «Мелкий бес», дает нам право отнести Сологубу заметное место в литературе девятидесятых годов. Он открыл (или по стопам Чехова) страшную отвратительную передоновщину в огромной толще русской обывательщины так же, как Гончар в нашед обломовщину в отмиравшем дворянстве, а Достоевский карамазовщину у шедшего на смену Обломовым нового поколения разночинной интеллигенции. От зоркого, как-будто стоявшего в стороне, но очень наблюдательного поэта не укрылся «мелкий бес» и члстожный червяк копошившийся в разла. авшемся отравленном жизни трупе русского мещанства. Это не чорт Достоев-

ского с его большими проклятыми вопросами даже не бесы, не большие страсти, а похоть; не грех, а грешок, пакостничество Верховенского; его бес-недотыкамка, скользкая и гадкая, все опошляющая. С надрывной болью жагуется поэт, что его

Недотыкамка серая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою, —

И он молит:

Помоги мне, таинственный друг,
Недотыкамку серую
Отгони ты волшебными чарами
Или на-отмажь что-ли ударами,
Или словом заветным каким...

У Сологуба недотыкамка, у более мягкого Чехова — недотепка, но в общем все это силы одного и того же порядка, силы разлагающие...

И не один Передонов останется в литературе. То же почти можно сказать, по моему, о более трудном для восприятия образе Триродова.

Обыкновенно этого героя романа «Навыи чары» рассматривают, в противоположность Передонову, как попытку создания типа положительного. В нем готовы были видеть двойника самого Сологуба. Что такое, однако, блаженная страна Ойле и те пути, которыми думал вести в нее Триродов? По существу, здесь сконцентрировано все то, о чем мечтали и к чему стремились модернисты того времени, начиная с Штирнера и кончая Метерлинком. На место одного мещанства ставилось другое. Общественная жизнь отодвигалась на задний план, а на первый выдвигалась личность, удовлетворение ее самых мелких эгоистичных потребностей. Конечно, течение, охватившее интеллигентские верхи этой эпохи, затронуло до некоторой степени и самого Сологуба. Бытие определяет сознание, закон которого не преступить. Но были ли Триродов идеалом поэта, как это думали? Была ли Ойле той жизнью, которой поэт желал живым, настоящим людям? Едва-ли не позволяет так думать уже хотя бы то, что всей, так ярко написанной им в этом романе жизни в стране Ойле, он дает характеристику «Навыи чары»... т.-е. чары мертвых, мечты умирающих... Если это та мертвая вода, которой в сказках вспрыскивают трун для его оживления, то во всяком случае она не является чем-то окончательным,

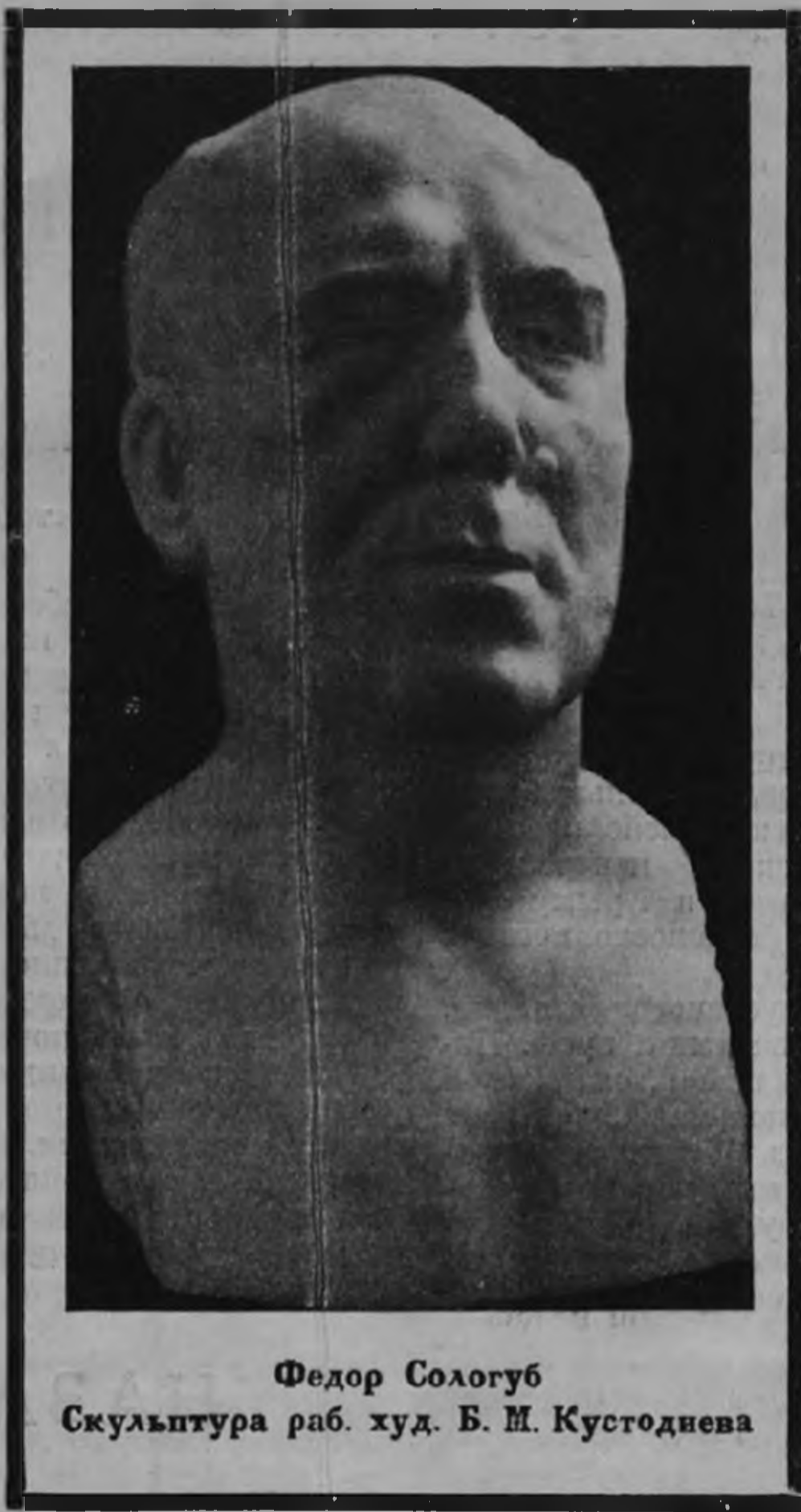
после нее должна быть еще вода живая. Это совершенно не исключает того, что сам Сологуб в себе самом мог чувствовать каплю этой мертвой воды, в данном случае он только поступал по известному рецепту Гоголя: «Беру, — говорил Гоголь, — какую-нибудь во мне лежащую гадость и раздуваю ее до чудовищных размеров». То же, вероятно, делал и Сологуб.

То лирическое волнение, которое у него вызывалось современной ему действительностью, вылилось в форму совершенно особой и своеобразной сатиры, не смеющейся, не издевающейся, а откровенно бячующей.

Смех Гоголя, сарказм Щедрина у Сологуба превращается в гримасу отвращения. Ему просто противна передоновщина отмиравшего русского быта. И, поэтому, несколько не неожиданны те строки, быть может, первые строки, которыми он в 1917—19 годах приветствовал революцию:

В землю кровь впитается,
Догорит огонь,
Колесницу вывезет
В небо светлый конь

В. Б.

Федор Сологуб
Скульптура раб. худ. Б. М. Кустодиева

1927 г. № 52
#71-52

КРАСНАЯ ПЯНОРМА

Художник
М. Н. Орлова

«На дальнем
севере»

№ 52

Цена 10 коп.

2

Библиотека

